

УДК 821 111

**ПОИСК СВОЕГО «Я» В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ
ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Х. КУРЕЙШИ И З. СМИТ)**

П.В. БОРОВИКОВ

(Минский государственный лингвистический университет)

borovikoff2001@yahoo.com

Проанализированы произведения Х. Курейши «Будда из пригорода» и Зэйди Смит «Белые зубы» с точки зрения кризиса идентичности. С этой целью были выбраны персонажи, у которых данный кризис наиболее четко проявляется. Во введении дается краткая характеристика феномена постколониальной литературы с упоминанием авторов и основных проблем, которые они затрагивают в своих произведениях, одной из которых является кризис мировоззрения у героев романов. Помимо самой сути проблемы, также рассматриваются методы ее художественной реализации. Проведенный анализ позволяет считать, что кризис может носить различный характер: от неустрашенности в чужой стране из-за принадлежности к чужой культуре до внутреннего сомнения в собственной идентичности из-за смешанного происхождения некоторых персонажей романов и невозможности сделать выбор в пользу одной из культур, к которым принадлежат родители.

***Ключевые слова:** кризис идентичности, мировоззрение, трансформация героя, внутренний монолог, Восток и Запад, Bildungsroman.*

Введение. В наши дни мультикультурализм стал социальной доминантой в западном обществе, в том числе и в Великобритании. Будучи важной составляющей социальной политики страны, данный феномен затронул почти все сферы культуры, включая литературу. В Великобританию, начиная с середины XX века, значительно увеличился приток иммигрантов из бывших колоний. Среди этих «новых британцев» через некоторое время стали появляться писатели, которые в своих произведениях поднимали острее вопросы социальной адаптации и поиска себя в совершенно новых реалиях незнакомой или лишь отдаленно знакомой страны. Великобритания сейчас сталкивается с проблемами в сфере миграционной политики и ассимиляции многочисленных групп населения в британское общество. Поскольку данное явление имеет место в обществе, то в литературных произведениях писатели старались отразить свое видение многочисленных трудностей и пытались изложить свою трактовку данных событий и процессов. Так как многие из авторов новой волны сами проходили все этапы интеграции в общество, то их взгляд, выраженный в художественной форме, являл собой осмысление их собственного жизненного опыта, как личного, так и опыта кого-либо из ближайшего окружения. С.П. Толкачев в своем диссертационном исследовании пишет следующее: «Как демонстрирует общественно-литературная жизнь на Западе, доктрина мультикультурализма помогает различным социальным группам материализовать свою личностную, вариативную идентичность как в рамках повседневной реальности диаспор, так и в контексте социального и культурного “мейнстрима”» [1, л. 356].

В целом, нужно отметить, что постколониальная литература, которая является частным случаем литературы мультикультурализма, – относительно новое явление для современной британской прозы. Тем не менее, она имеет как своих признанных мастеров, так и более молодых, но уже широко известных авторов. К первой группе часто относят В.С. Найпола, С. Рушди, Х. Курейши, К. Исигуро. Вторая группа представлена такими авторами как З. Смит, М. Али и др. Стоит также отметить, что творчество постколониальных писателей уже отмечено высочайшими литературными премиями: В.С. Найпол и К. Исигуро являются лауреатами Нобелевской премии по литературе (2001 и 2017 г. соответственно) [2], С. Рушди – лауреат премии Букера [3], З. Смит была отмечена премией Коста [4]. Эти факты позволяют утверждать, что постколониальная литература в последние два десятилетия стала общепризнанным явлением не только среди широкого читателя, но и сообщества литературоведов и литературных критиков.

Несмотря на то, что в постколониальной литературе затрагивается целый ряд проблем (от классического конфликта отцов и детей до более современных межэтнических проблем), можно смело утверждать, что ключевой проблемой в произведениях постколониальных писателей является поиск своего «Я» в полиэтнической среде, когда действующие лица вынуждены либо делать четкий выбор в пользу какой-либо идентичности (социальной, этнической, религиозной и т.д.), либо пытаться искать баланс между различными и, зачастую, сложно сочетаемыми культурными средами. Это противоречие зачастую является главной движущей силой сюжета и развития характеров персонажей в произведениях писателей-постколониалистов.

Основная часть. Дебютный роман Ханифа Курейши «Будда из пригорода» (*Buddha of Suburbia*, 1990), представляет собой роман воспитания (*Bildungsroman*), где главным героем выступает молодой человек Карим. Он является уроженцем Лондона, происходит от смешанного брака: отец – пакистанец, мать – англичанка. В начале романа он сам считает себя англичанином: «... я англичанин по происхождению и по крови. Зачастую меня принимают за англичанина нового типа, эдакий забавный гибрид двух древних культур. Но мне плевать, я англичанин, хоть и не горжусь этим, англичанин из Южного Лондона, и путь держу в неизвестность» [5, с. 7]. Эта фраза внутреннего монолога является отправной точкой для последующей трансформации главного героя. На основе этой мысли можно сделать вывод о том, что почти всю свою жизнь главный герой внутренне отождествлял себя с той страной, где родился и вырос. Подчеркивая свою английскость, Карим также указывает на свои типичные английские привычки: «Я любил пить чай и любил кататься на велосипеде». Конечно, можно утверждать, что чай является также традиционным индийским напитком, но все-таки чаепитие и катание на велосипеде считаются одними из стереотипных элементов английской культуры.

Необходимо отметить, что рубеж 1960 – 1970-х годов в западном обществе – период сексуальной революции и роста молодежных движений. Карим Эмир является полноценным продуктом данной эпохи: слушает соответствующую музыку, ведет беспорядочную половую жизнь, плохо находит общий язык с родителями и братом. По мере развития сюжета в романе происходит цепь событий, которые перестраивают его мировоззрение, в первую очередь – представление о своем месте в этой стране. Событием, подтолкнувшим его к этому, стало приглашение отцу, родившемуся в британской Индии, провести семинар по йоге. С этого момента мысли Карима начинают несколько блуждать, его стойкая позиция «коренного англичанина» начинает подвергаться метаморфозам. Он начинает, как ему кажется, искать свое место в жизни: «Хочу, чтобы мое будущее было насыщено мистицизмом, сексуальными обещаниями, умными людьми и наркотиками» [5, с. 28–29]. Можно добавить, что трансформация, начавшая происходить с отцом, заставила Карима осознать, что он все-таки является носителем двойного культурного наследия, отсюда и мысли о мистицизме (типично восточная культурная доминанта) и умных людях, и наркотиках (западная доминанта, характерная для эпохи 1960 – 70-х гг.). Стоит сделать небольшое отступление и сказать, что автор, по всей видимости, не случайно поместил героя именно в эпоху 1970-х, поскольку именно в этот период на Западе начал зарождаться широкий интерес к различным восточным учениям, которые впоследствии, при столкновении с традиционным западным укладом жизни, породили феномен «нью-эйдж», который сочетал в себе черты двух противоположных культур [6, p.138].

Как было отмечено, Карим стал чаще задумываться о своем месте в мире, о том, что он – дитя двух культур, и его метания между этими культурами и являются основным сюжетным двигателем романа «Будда из пригорода». Надо сказать, что поиск своего «Я» у Карима происходит через призму событий, которые так или иначе затрагивают его лично: например, стремление его отца уехать от матери и переехать к своей новой пассии, Еве. После этого герой стал по-иному относиться к отцу, начинает считать его своего рода предателем, который просто-напросто бросил маму и детей (включая его), после того как стал обучать других йоге. Разумеется, этот поступок отца явно претит «восточной» стороне личности Карима, несмотря на то, что и сам герой весьма неразборчив в отношениях с женщинами.

Кульминацией расщепления идентичности стало участие в театральной постановке в Лондоне. Карим получает роль Маугли в спектакле «Книга джунглей». Можно сказать, что эта роль стала своего рода ударом по его внутренней убежденности в том, что он «англичанин до мозга костей». При этом его покровительница, Ева, не сразу дала ему книгу для подготовки, по всей видимости полагая, что подобная роль оскорбительна для Карима. Когда постановщик выяснил, что Ева не передала книгу Кариму, то высказал свою мысль по этому поводу: «Она пытается защитить тебя от судьбы, а судьба твоя – быть в Англии человеком смешанной расы» [5, с. 231]. Это высказывание стало для Карима откровением: к нему начинает приходить осознание того, что все его попытки по-настоящему влиться в английское общество будут тщетными, что коренные англичане никогда не станут воспринимать его как своего, что для него наступает необходимость серьезнейшим образом пересмотреть свои жизненные принципы. Вторым подобным событием стала смерть Анвара, близкого друга отца Карима, который измучил себя голодовкой из-за собственных принципов, чем подорвал свое здоровье. На похоронах Карима озаряет важная мысль: «Но глядя на эти странные создания – индийцев, я вдруг ощутил, что они – мой народ, и что я полжизни отрицал это и закрывал на это глаза. Я чувствовал себя смущенным и одновременно ущербным, как будто вступил в тайный сговор с врагами, теми белыми, которые хотят, чтобы индийцы во всем походили на них» [5, с. 343]. В этом мнении его убеждает также то, что его новая роль в спектакле, с другим режиссером и другим сценическим образом, тепло принимается зрителями – в спектакле он играет роль индус-иммигранта в новой стране. Образ комичного и жалкого персонажа был тепло воспринят зрителями, смеявшимися над его шутками и ужимками. Для этого образа он также был вынужден научиться говорить с индийским акцентом.

Необходимо отметить, что прямого указания на некий «катарсис самоидентификации» и обретение своего «Я» в романе нет. Нигде не сказано, что Карим отныне станет принимать свою индийскую сущность наравне с британской. Скорее наоборот: во всем круговороте событий он еще больше запутывается, и этот клубок противоречий ему еще предстоит распутать. Но, тем не менее, он находит в себе силы и надежду на подобное разрешение ситуации. В первую очередь это то, что его перестроенные ценности не вступают в жестокое внутреннее противоречие. Карим не рассматривает их как догмы, а скорее, как дополнительные ресурсы для более обстоятельного созидания своей новой личности. Вторых, как считает он, Британия, несмотря на все жизненные пертурбации, остается родным домом, который он любит, где живут все его любимые люди, и где он счастлив [5, с. 73]. Таким образом, все эти составляющие позволяют Кариму с оптимизмом смотреть в свое будущее, о чем сказано в самом конце романа: «Я сидел в центре любимого города, который и сам находился посреди маленького острова. Я был окружен людьми, которых любил, и чувствовал себя счастливым и одновременно несчастным. И еще я думал о том, какая путаница вокруг. Но не вечно же так будет» [5, с. 454].

Помимо Карима стоит отметить еще двух персонажей романа, которые оказываются в ситуации поиска своего места в жизни, поиска своего духовного и интеллектуального «Я» – это Харун, отец Карима, и Чангиз, потенциальный жених дочери Анвара, близкого друга Харуна. У них также меняется мировоззрение, но в отличие от Карима, это происходит намного быстрее, и, главное, имеет вполне конкретную причину. Если осознание Каримом своего «Я» происходит через цепь никак не связанных друг с другом событий, то для двух других персонажей осознание своей жизненной позиции связано со вполне конкретным происшествием, которое также способствует постановке вполне конкретной цели в жизни. Для Харуна им становится приглашение провести семинар по йоге, после чего он вдруг начинает ощущать себя не просто иммигрантом на госслужбе, но носителем неких мистических знаний; он становится востребованным духовным гуру, у него появляется цель, свои последователи и четкое осознание себя, как наставника-йога.

Апогеем метаморфозы Харуна стал разрыв с женой, поскольку он полюбил другую женщину. С. Сезер отмечает, что этот разрыв можно считать и своего рода ритуальным актом на пути к своему призванию – обучению других людей йоге и восточной мистике [8, р. 7]. Здесь же надо отметить, что это событие дается ему нелегко: «Совесть его все-таки мучила... Раскаяние, боль, вина так и захлестывали его. Как плохо он обошелся с мамой, говорил он нам... – Я чувствую себя преступником, – однажды невинно признался он Еве» [5, с. 190–191]. Несмотря на все эти душевные терзания, Харун последовательно идет по выбранной им тропе, постепенно набрав себе преданную группу учеников, которые воспринимают его как своего духовного проводника. Кульминацией этих достижений стало интервью, благодаря которому он становится достаточно известным среди народа. Харун теперь четко отождествляет себя с индийскими мистическими учениями. Все это было бы не столь оригинально, если бы не одно очень важное «но» – Харун по происхождению пакистанец и мусульманин по вероисповеданию. Таким образом, даже возвращение к корням происходит под серьезным влиянием извне.

Вторым упомянутым персонажем романа, который также мечется между двух культур, является названный муж Джамилы, дочери Анвара, Чангиз. По первоначальной задумке, Чангиз должен был стать избавителем Анвара от мирских забот и его личным подмастерьем, а также непосредственно после женитьбы приступить к исполнению супружеского долга, чтобы одарить Анвара внуками. В дальнейшем первоначальное впечатление о том, что Чангиз внутренне сможет легко влиться в общество, несколько испортили его манеры, от которых он далеко не сразу избавился: к примеру, за ужином в честь приезда, он вместо столовых приборов ел руками [5, с. 137]. В целом же Чангиз является наиболее противоречивым персонажем романа: в нем странным образом сочетается неподдельная любовь практически ко всему английскому. Он просит Карима сходить с ним посмотреть крикет, для чего специально привез бинокль, пройтись по книжным магазинам – все это указывает на то, что английский досуг ему совершенно не чужд. При этом же он абсолютно не приспособлен к английскому быту, и не способен нести ответственность за свои действия. Это подтверждают следующие примеры. Так, Чангиз «доказал, что совершенно бесполезен в деле заворачивания хлеба и отсчитывания сдачи. Он не рубил в арифметике» [5, с. 159]. Он получил задание следить за мелкими воришками (МВ): ему было поручено сидеть на табуретке и наблюдать за прилавками. Однако «однажды Анвар вошел в магазин и обнаружил храпящего на стуле Чангиза, в то время как прямо перед его закрытыми глазами МВ нахально опускал банку с селедкой в карман брюк» [5, с. 159–160].

Данные примеры показывают, что этот персонаж диалектичен: индийский базис (манеры и поведение) сочетается с английской надстройкой (искренняя любовь к английской культуре). Данная эклектичность является отправной точкой для последующей трансформации Чангиза: он находит цель в жизни, когда, женившись, становится членом коммуны, и у него рождается ребенок. И, хотя он знает, что это не его ребенок, он настраивает себя на необходимость заботиться о нем, поскольку это дитя всей коммуны. Таким образом, Чангиз впервые обретает четкую цель в жизни [9, р. 15].

Итак, «Будда из пригорода» демонстрирует разные стадии адаптации в британское общество: если главный герой хоть и примиряется со своими внутренними противоречиями, но все еще не имеет четкой цели в жизни, то второстепенные персонажи – Чангиз и Харун – обретают свое место в жизни, находят свое «Я».

В романе Зэйди Смит «Белые зубы» (*White Teeth*, 1999), по сравнению с «Буддой из пригорода» отсутствует единая сюжетная линия и единый главный герой – повествование ведется от лица автора, поэтому многие мысли, касающиеся как трансформации героев, так и стремления к поиску своего «Я», представлены более четко и явно. Из-за этого в романе нет той глубины соприкосновения с мыслями персонажей – в первую очередь проблема самоидентификации отражается в диалогах, т.е. показана эксплицитно. Поскольку героев в романе много, то в данной статье внимание будет уделено лишь одному из них, наиболее показательному. Таким персонажем является Самад Икбал, выходец из Британской Индии, иммигрант, ветеран Второй мировой войны.

В романе у него наступает кризис мировоззрения, связанный не столько с сомнениями в собственных взглядах, сколько с практически безуспешными попытками эти взгляды донести до своих собеседников. Такое особенно часто происходит, когда он начинает разговоры о своем прадеде. С данной проблемой ему приходится сталкиваться даже в беседах со своим старинным другом Арчибальдом. Еще на войне Самад попросил его составить свое мнение о Востоке: «Прошу тебя. Сделай мне одно великое одолжение, Джонс. Если ты услышишь от кого-то, когда вернешься домой, услышишь разговоры о Востоке... имей свое мнение» [10, с. 50]. Так подчеркивается то, что на Западе присутствует предвзятость касательно Востока, о чем, кстати, упоминает и Арчи: «Попробуй назови индуса героем – подумают, что ты с приветом» [10, с. 50].

Именно Самад проходит через наиболее серьезные внутренние идеологические кризисы, которые затрагивают как его взгляды на жизнь и ценности в целом, так и вполне конкретные семейные дела, особенно когда стали взрослеть его дети. Поворотным моментом для осознания этого кризиса идентичности стала влюбленность в преподавательницу его детей. Он начинает разрываться между своими убеждениями и желаниями. Герой спрашивает совета у коллеги по работе, но ответ, что у него «кризис среднего возраста», Самада не устраивает: «Я на нравственном распутье, а ты говоришь всякую ерунду», – и добавляет: «Не хочу быть современным! Я хочу жить, как должен был жить всегда. Вернуться на Восток!» [10, с. 70]. Этот разговор показывает, что душа Самада мечется в поисках своего места в мире, но никак не может его найти, в результате чего оказывается мировоззренчески подвешен меж двух миров, Западом и Востоком: он чтит свои исламские корни, но при этом пьет, рукоблудит и встречается с другой женщиной (правда дело дальше поцелуев не идет). Собственный кризис и неустойчивость он сублимирует вовне: «Мне не следовало приезжать в Англию – отсюда все беды... Визитные карточки в витринах кондитерских, Джуди Блум в школе, презервативы на тротуаре, праздник урожая, педагогическая мастерская... мой драгоценный друг, Арчибальд Джонс, – неверующий!» [10, с. 70]. Здесь виден классический пример того, как человек пытается оправдать свои собственные ошибки внешними причинами. В данном случае эти причины лежат в плоскости противопоставления двух этнокультурных архетипов – Запада и Востока.

В романе присутствует физическое воплощение описанной выше душевной амбивалентности Самада – это его дети-близнецы, Маджид и Миллат. Отец стремится воспитать их в соответствии с этническими корнями и традициями, однако наталкивается на сопротивление с их стороны. В результате один из них (Миллат) становится приверженцем традиционного ислама, хотя отец не прикладывает к этому усилий; второй (Маджид) стал практически коренным англичанином, с соответствующими манерами и мировоззрением – данная трансформация происходит с ним после поездки в Индию. Таким образом, для Самада кризис его «Я», разрывающегося между двумя мирами, нашел свое реальное воплощение в детях-близнецах, которые внутренне сами определились со своими идеологическими установками.

В определенный момент у Самада наступает прозрение, и он сам дает себе ответ на многочисленные вопросы, касающиеся его мечущейся души: «Мы раздвоенные люди. Например, одна моя половина хочет спокойно сидеть, скрестив ноги, и не вмешиваться в то, что я не в силах изменить. Но другая половина рвется в священный бой, в джихад! И мы могли бы поговорить об этом прямо здесь, посреди улицы, но, знаешь, у каждого из нас свое прошлое, своя правда – и выход тоже свой» [10, с. 87]. Хотя эти слова он обращал к местной нареченной ведьме, Безумной Мэри, но на самом деле это скорее была мантра, произнесенная, в первую очередь, для своего собственного умиротворения. Отчасти Самад в этом преуспевает. Но, хотя внутренний кризис (или его острая фаза) для него минует, внешняя его грань никуда не исчезает [11, р. 14].

Заключение. На примере этих двух романов и их героев можно заключить, что одной из ключевых точек развития их сюжетов является кризис идентичности и поиск собственного «Я». Он может проявляться как во внутренних размышлениях героев, как в случае с Каримом из «Будды из пригорода», так и через диалоги или внешние обстоятельства, как в случае с Самадом из «Белых зубов». Однако в обоих

романах герои, так или иначе, справляются с данным кризисом, но получают разный результат: для второстепенных героев в романе «Будда из пригорода» поиск своего места и своего «Я» заканчивается вместе с обретением цели: наставничество – для Харуна, ребенок – для Чангиза. Для других рассмотренных героев – Карима из «Будды из пригорода» и Самада из «Белых зубов» – результатом данного поиска становится принятие самих себя как воплощенной эклектики двух миров и культур – Запада и Востока. И хотя они, в отличие от других персонажей, не обретают четких жизненных целей, это смирение позволяет им более гармонично продолжать жить в обществе, в котором они оказались волею судьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толкачев, С. П. Мультикультурный контекст современного английского романа : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / С. П. Толкачев. – Москва, 2003. – 381 л.
2. All Nobel Prizes in Literature [Электронный ресурс] // Nobelprize.org. – 2018. – Режим доступа: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/. – Дата доступа: 15.01.2018.
3. The Man Booker Prize 1981 [Электронный ресурс] // The Man Booker Prize. – 2018. – Режим доступа: <http://themanbookerprize.com/fiction/backlist/1981>. – Дата доступа: 15.01.2018.
4. Costa Winners 2006-present [Электронный ресурс] // Costa Book Awards. – 2018. – Режим доступа: <https://www.costa.co.uk/media/461538/past-winners-complete-list.pdf>. – Дата доступа: 15.01.2018.
5. Курейши, Х. Будда из пригорода / Х. Курейши. – М. : Иностранка, 2002. – 464 с.
6. Bhabha, H. The Location of Culture / H. Bhabha. – 2nd ed. – London : Routledge, 2004. – 440 p.
7. Glabazña, R. Theater of Identity: The Buddha of Suburbia / R. Glabazña // Moravian Journal of Literature and Film. – 2010. – Vol. 2, № 1. – P. 65–78.
8. Sezer, S. Performative Identities: First Generation Immigrants Haroon and Anwar in Hanif Kureishi's *The Buddha of Suburbia* / S. Sezer // World Cultures Graduate Student Conference 2013 / University of California. – Berkeley, 2012. – P. 1–10.
9. Lee, Yu-cheng. Expropriating the Authentic: Cultural politics in Hanif Kureishi's *The Buddha of Suburbia* / Yu-cheng Lee // EurAmerica. – 1996. – Vol. 26, № 3. – P. 1–19.
10. Смит, З. Белые зубы [Электронный ресурс] / З. Смит // Etextlib. – 2017. – Режим доступа: <http://www.etextlib.ru/Book/DownloadPDFFile/49272>. – Дата доступа: 20.12.2017.
11. Beukema, T. Men Negotiating Identity in Zadie Smith's *White Teeth* / T. Beukema // Postcolonial Text. – 2008. – Vol. 4, № 3. – P. 1–15.

Поступила 25.09.2018

**THE SEARCH FOR «SELF» IN MODERN BRITISH POSTCOLONIAL LITERATURE
(BASED ON NOVELS BY H. KUREISHI AND Z. SMITH)**

P. BOROVIKOV

The article deals with the issue of identity crisis in the novels written by modern postcolonial writers: “White Teeth” by Zadie Smith and “Buddha of Suburbia” by Hanif Kureishi. The goal is to highlight the main aspects of manifestations of the same crisis in novels’ characters – the ones who experience the most evident and vivid instances of the problem. The introduction provides a brief coverage of the phenomenon of contemporary British postcolonial literature, its representatives and the most important problems they touch upon in their creative works. Beside the “Search for Self” issue, the article also provides insight into literary techniques employed by the authors to describe how characters overcome the identity crisis. Based on the performed analysis, we may conclude that the crisis has various manifestations, ranging from the inability to properly fit in because of immigrant background to the inner ambiguity as a result of mixed parenthood.

Keywords: *postcolonial literature, identity crisis, worldview, protagonist transformation, inner monologue, East and West, Bildungsroman.*